

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

15 АВГУСТА.

№ 33

1910 ГОДА.

Изъ одной переписки ¹⁾).

VI.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ Вы пишете: „въ № 27 „Ворон. Епарх. Вѣдомостей“ за текущей годъ напечатана статья „Можно-ли такъ поступать“? Написана она православнымъ священникомъ. И это послѣднее я подчеркиваю особенно, подчеркиваю потому, что мнѣ пріятно отмѣтить, что и въ средѣ самого духовенства, оказывается, есть лица, совѣсть которыхъ очень смущается входящимъ въ послѣднее время обычаемъ въ борьбѣ съ пьянствомъ обременять совѣсть ищущихъ отрезвленія чѣмъ-то въ родѣ клятвеннаго обѣщанія. Лично я, продолжаете Вы, всегда не только смущался, но и возмущался такимъ обычаемъ. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить этотъ фактъ, т. е., что есть и батюшки, на которыхъ этотъ обычай производитъ такое же, какъ и

¹⁾ Продолженіе. См. № 13.

на меня вчечатлѣніе "... И въ заключеніе просите меня высказать свое мнѣніе по этому вопросу, вообще, и, въ частности, сказать хоть нѣсколько словъ по поводу упомянутой Вами статьи.

Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю Вашу просьбу, потому что и самъ всегда смущался и, не скажу чтобъ возмущался, но стоялъ въ недоумѣніи передъ упомянутымъ Вами обычаемъ.

И такъ — „можно-ли такъ поступать“?

Вполнѣ сознательно, много думавши и убѣжденно я говорю отрицательно: „нѣтъ, такъ нельзя поступать“. Имено, „мы“ а не „онъ“, или, вѣрное, и „онъ“, но главнымъ образомъ мы, его духовные руководители и наставники, являемся клятвопреступниками, „такъ поступаая“.

Вы, конечно, знаете, какъ „это“ совершается. На средину храма выносятся св. крестъ и евангеліе. Въ иныхъ мѣстахъ икона Спасителя или Божіей Матери. „Онъ“, т. е. ищущій трезвости, становится съ батюшкой предъ крестомъ и евангеліемъ. Батюшка служитъ молебень... А послѣ молебна здѣсь же во храмѣ „онъ“ даетъ, примѣрно, такое обѣщаніе: „я рабъ твой, Господи, (има), раскаявшись искренно въ своемъ прежнемъ пьянствѣ и въ грѣхахъ, отъ него происходящихъ, даю обѣтъ (зарокъ) предъ Твоею св. иконою (чѣмъ все это отличается отъ словъ: „обѣщаюсь и клянусь“... и т. д.?) въ продолженіе одного года не пить никакого хмѣльнаго зеля, твердо сознавая, что за нарушеніе этого обѣщанія (клятвы?) буду достоинъ горькаго осужденія и наказанія отъ руки Господней. Господи, помоги мнѣ и укрѣпи меня! Пресвятая Владычица, Архангелы и Ангелы и святіи всѣ помолитесь о мнѣ грѣшномъ. Аминь“ ¹⁾. А въ иныхъ мѣстахъ подобное обѣщаніе окан-

¹⁾ Изъ «правиль для членовъ церк.-приходскаго общества трезвости» въ с. Шиговъ Пейванск. губ., утвержденныхъ Епарх. Начальствомъ.

чивается еще сильнѣе: „а въ удостовѣреніе обѣта сего иждю святое евангеліе и животворящій крестъ Христовъ“¹⁾. Точь-въ-точь какъ въ присягѣ. И затѣмъ, такое обѣщаніе, ранѣе написанное на бумагѣ, подписывается дающимъ обѣтъ трезвости.

На случайно присутствующихъ лицъ такой молебень и такой новый видъ клятвы или обѣщанія производить сильное впечатлѣніе и, именно, какъ впечатлѣніе клятвы, присяги. Какъ, именно, на клятву, или присягу смотреть на все это и самъ, пришедшій во храмъ искать руку помощи на пути къ трезвости.

И я Васъ вполне понимаю, когда Вы въ своемъ письмѣ по поводу такого обѣщанія спрашиваете: гдѣ же Христосъ и Его апостолы? Гдѣ евангеліе и писанія апостольскія? А именно: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно престоль Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Иерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя. Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: „да, да“; „нѣтъ, нѣтъ“, что сверхъ этого, то отъ лукаваго“ (Мѡ. 5, 34—37). И у апостола Іакова: „прежде всего, братія мои, не клянитесь ни небомъ, ни землею и никакою другою клятвою; но да будетъ у васъ: да, да; нѣтъ, нѣтъ,—дабы намъ не подпасть осужденію“ (Іак. 5, 12). Выходитъ такъ, какъ будто бы пастыремъ Христова стада, проповѣдникомъ евангелія и вдругъ нарушаются слова евангелія и апостольскихъ писаній. И не только имъ самимъ, но и „его“ — пасомаго — онъ ведетъ за собою въ сторону нарушенія и забвенія евангельскихъ словъ.

Но ему, пасоному, — Богъ ему судья: онъ часто и молебень слушаетъ и даетъ обѣщаніе въ болѣзненномъ состо-

¹⁾ Тоже об—ство трезвости Кирсановскаго у. Тамб. губ.

яни. Умъ ослабленъ, воля тоже, руки и ноги трясутся, внутри нестерпимая, жгучая жажда алкоголя... Какъ судить? Въ немъ проснулось доброе и счастливое желаніе остепениться, бросить пить. „Пора опомниться! довольно: пойду къ батюшкѣ, помолюсь, дамъ зарокъ“. И онъ идетъ... Въдъ это такъ понятно, достойно всякаго сочувствія и поддержки.

Но какимъ образомъ батюшка, желая оказать такому несчастному поддержку и сочувствіе, рѣшается нарушать заповѣдь Христову о клятвѣ?...

Онъ принимаетъ это больное, безвольное существо, становить его предъ крестомъ и евангеліемъ и беретъ (выражусь возможно мягче) обѣщаніе не пить, т. е. на чело-вѣка безъ воли возлагаетъ обязательство страшной борьбы съ искушеніемъ пить, съ этою ужасною потребностью и жаждою алкоголя. А за неисполненіе обѣщанія угроза: „буду достоинъ горькаго осужденія и наказанія отъ руки Господней“.

Вспомните весь ужасъ этой потребности и жажды, съ одной стороны, и всегдашнюю возможность и опасность подвергнуться такому осужденію и наказанію съ другой, — и Вы поймете весь трагизмъ положенія несчастнаго.

Нѣтъ, такія, какъ эта клятва или обѣщаніе, средства на пути къ отрезвленію народа не могутъ оправдываться и самою цѣлью... Никакая цѣль, какъ бы она, повидимому ни была высока и благородна, не даетъ намъ ни малѣйшаго права и ни юты основанія забывать на пути къ ея достиженію Христа и цопирать Его Божественные глаголы.

Мы живемъ въ такое время, когда всячески ищутъ поводовъ въ чемъ-нибудь обвинять православныхъ христіанъ унижать ихъ пастырей и учителей, уличать въ какомъ-нибудь мнимомъ заблужденіи. Въ разговорахъ съ сектантами, а иногда и съ православными, особенно изъ интеллигентовъ, нерѣдко приходится отстаивать дозволенность клятвы-при-

сяги въ судахъ и присяги вѣрноподданческой... И вдругъ жизнь вырабатываетъ какой-то новый видъ клятвеннаго обѣщанія — „не пить“, давая лишній поводъ инакомыслящимъ „кивать“ въ сторону православной Церкви, укорять ея служителей и даже насмѣхаться; а этихъ послѣднихъ ставя въ необходимость доказывать дозвоительность и этого новаго вида обѣщанія.

И, дѣйствительно, приходскіе священники въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ пользующіеся и клятвою, зарокъ, обѣтомъ (какъ хотите назовите), когда вступишь съ ними въ разговоры по этому поводу, стараются отставать и доказывать дозвоительность этой клятвы, этого обѣщанія¹⁾.

Состоятельны ли такіа доказательства, такіа „отставанія“?

Судите сами.

Говорятъ, напр.: „алкоголикъ существо больное, слабое, безвольное. Обѣщаніе не пить, данное имъ во храмѣ, при торжественной обстановкѣ, дѣйствуетъ на его больное воображеніе и волю такъ, что онъ весь проникается желаніемъ исполнить обѣщаніе и... исполняетъ. А развѣ можно считать предосудительнымъ и грѣховнымъ, когда человѣкъ даетъ обѣщаніе, или зарокъ, хотя-бы и во храмѣ предъ крестомъ и евангеліемъ, или св. иконою, относительно того, *что потомъ, дѣйствительно, исполняетъ*“.

Но исполняетъ ли?—объ этомъ потомъ. А сейчасъ остановимъ свое вниманіе вотъ на чемъ: развѣ Христосъ запрещалъ клятву только такую, предмета которой мы потомъ по какимъ-нибудь причинамъ не можемъ исполнить? А, стало-быть, если есть для насъ возможность и надежда исполнить, то можно и клясться?! Но вѣдь этого нигдѣ-же

¹⁾ Это, равно какъ и раньше „о гипнотизмѣ“, мною воспроизведено почти дословно какъ я слышала отъ собесѣдниковъ. Поэтому лица, говорившіе это, узнаютъ въ этихъ словахъ себя. *Дет.*

не сказано. „Не клянись вовсе... но да будетъ слово ваше „да, да“, „нѣтъ, нѣтъ“, а что сверхъ этого, то отъ лукаваго“ (Мѡ. 5, 34, 37). и подлежитъ осужденію (Іак. 5, 12).

Приходилось слышать и это: „Клятва, или обѣщаніе, данное въ такой торжественной обстановкѣ, дѣйствуетъ на алкоголика *гипнотически*... Если Вы хотя нѣсколько знакомы съ гипнотизмомъ и слышали о леченіи имъ болѣзней, то, конечно, поймете“... и т. д. и т. д.

Но позвольте: Христосъ и евангеліе это одно; а гипнотизмъ и внушеніе — это совсѣмъ другое. И если вы, давая, съ алкоголикомъ обѣщаніе или клятву, держитесь той мысли, что совершаете нѣчто въ родѣ гипнотическаго сеанса, то вы не въ правѣ дѣлать это во храмѣ, предъ крестомъ и евангеліемъ подъ прикрытіемъ христіанской религіи и своего сана. Идите къ нимъ, къ мастерамъ своего — гипнотическаго — дѣла, учитесь у нихъ (кстати въ одной изъ нашихъ столицъ, кажется, уже даютъ уроки и по гипнотизму) и отъ ихъ имени и дѣйствуйте. А на Христа не клеветайте: во всемъ евангеліи не найдете вы даже намека на дозвоительность подобнаго сеанса.

Возвращаюсь теперь къ вопросу: давшій обѣщаніе, или зарокъ не пить, исполняетъ ли это обѣщаніе?

Кто даетъ обѣщаніе? Алкоголикъ. Что это такое? Это человекъ больной, съ ослабленными умственными и тѣлесными силами, человекъ слабовольный, или даже и совсѣмъ безвольный. Таковъ выводъ медицины изъ борьбы съ алкоголизмомъ. А на основаніи психологіи необходимо признать, что быть „господиномъ своего слова“, исполнять данное обѣщаніе, клятву и проч. — все это предполагаетъ въ человекѣ наличность воли, нормальныхъ умственныхъ силъ и пр...

Гдѣ же ручательство за то, что алкоголикъ обязательно исполнитъ данную имъ клятву?

Это разсуждая вообще. Случай же въ приходской лич-

чной практикѣ для меня вполне подтверждають истинность этого разсужденія.

Нерѣдко приходилось принимать лицъ и иноприходныхъ и своихъ прихожанъ — уже бывшихъ у извѣстныхъ мнѣ батюшекъ и давшихъ обѣщаніе, но потомъ нарушившихъ его.

Нужно пережить, или даже хотя бы понять отчасти все то, что испытываетъ такой человѣкъ, не устоявшій въ борьбѣ съ жаждою алкоголя и нарушившій клятву, чтобы затѣмъ на всю жизнь отказаться отъ такого способа отрезвленія народа. „Батюшка! сними клятву, нѣтъ моихъ силъ — всего измучила: хоть въ пѣтлю!“ Сколько нужно усилий, чтобы успокоить такую мятущуюся душу! И одному Богу извѣстно, часто ли и вполне достигаютъ своей цѣли такія усилия? Ибо, подлинно, сама жизнь, внимательное наблюдение и изученіе лицъ окружающихъ и, именно, въ ихъ отношеніи къ алкоголю и этому „зароку“, дали отцу Г. Бѣляеву основаніе писать, что „такой человѣкъ съ большею силою и успѣшностью возвращается къ тому же безстыдству, отъ котораго бѣжалъ, заливаешь себѣ глаза и душу водкой, чтобы на минуту хоть забыться“.

Видите — клятвопреступленіе очевидное. Но кто больше повиненъ за это клятвопреступленіе? — разберитесь сами.

Но вѣдь ужасъ отъ пьянства очевиденъ. Народъ тонетъ, захлебывается алкоголемъ... Надо спасать...

Но какъ? Какъ же *нужно поступать?*...

Борьба съ пьянствомъ — дѣло сложное и трудное; поэтому трудно въ нѣсколькихъ строкахъ сказать, что, именно, нужно дѣлать въ этой борьбѣ.

Но два, три слова сказать необходимо.

Нужно, не ослабѣвая, дѣлать все, что дѣлали и досель... Только эту клятву, эту присягу, этотъ зарокъ необходимо вычеркнуть изъ программы борьбы съ пьянствомъ.

А, главнымъ образомъ, пусть наша проповѣдь, наша

работа въ отрѣзвленіи народа не расходится съ примѣромъ нашей собственной жизни.

Будемъ искренни на этотъ разъ и скажемъ откровенно, какова на самомъ дѣлѣ наша работа въ борьбѣ съ пьянствомъ?

„Трезвись, народъ, не пей“! — это къ народу. А сами гдѣ ниб. — у собрата, или у хорошаго знакомаго — на именинахъ, или на свадьбѣ, пьемъ и даже упиваемся...

Нынче утромъ, скажемъ къ примѣру, мы стояли въ облаченіи во храмѣ предъ крестомъ и евангеліемъ и за какого н. тутъ же стоящаго Х. просили Господа Бога молитвами св. Вонифатія и пр. избавить его отъ винопитія и вмѣстѣ съ нимъ читали клятву — обѣщаніе.

А вечеромъ тотъ же Х. идетъ мимо дома мѣстнаго туза и видитъ въ окно: за столомъ сидитъ хозяинъ и гости, въ числѣ которыхъ и батюшка.

А на столѣ водка, закуска?...

И видитъ Иксъ этотъ, при своемъ безволю-то и слабости, что и батюшка „все сіе воспринимаетъ“.

Немножко рѣзко?

Но что же дѣлать: вѣдь такъ оно большею частію и бываетъ, когда начинаешь называть вещи ихъ собственными именами.

Да и такъ-ли ужъ рѣдко это бываетъ, чтобы не сказать объ этомъ?

Каждый оглянись кругомъ...

Нѣтъ необходимо не „сказать“ только, а говорить при всякомъ удобномъ случаѣ. Довольно насъ лечили и консисторіей и монастырями отъ винопитія. Пора полечиться и по своей доброй волѣ самоосужденіемъ и самоисправленіемъ. Думается, это будетъ полезнѣе и дѣйствительнѣе. А если будемъ вылечиваться, а тѣмъ болѣе если вылечимся сами, больше будетъ надежды на успѣхъ въ „леченіи“ другихъ.

И не будетъ необходимости прибѣгать въ этомъ леченіи къ такимъ чрезвычайнымъ и очень спорнымъ мѣрамъ, какъ эта пресловутая клятва.

Такъ вотъ видите: оказывается, къ Вашему, не сомнѣваюсь, большому удовольствію, что въ средѣ духовенства есть и еще лица, въ смущеніи и недоумѣніи стоящіе предъ этимъ, смутившимъ Васъ, обычаемъ въ борьбѣ съ пьянствомъ употреблять и клятву...

Священникъ *Влад. Левашевъ.*

О христіанскомъ воспитаніи въ школахъ ¹⁾.

(Изъ бесѣдъ съ слушателями педагогическихъ курсовъ въ г. Воронежѣ).

II.

Учитель-воспитатель народной школы.

Содержаніе. Учитель церковной школы—помощникъ священника въ дѣлѣ пастырскаго учительства. Личная настроенность и жизнь учителя, какъ образецъ для учениковъ. Черты дѣйствительности, имѣющія отрицательное значеніе: оторванность отъ населенія и его интересовъ. Барство. Необходимость связи и сродства. Мысль о воспитаніи учителей изъ народа. Идея и дѣйствительность учительскихъ второклассныхъ школъ. С. А. Рачинскій, какъ образецъ учителя-воспитателя.

Начальная народная школа есть прежде всего воспитывающая школа. Она должна стоять *между* семьей и церковью. Принимая изъ семьи ребенка, еще не умѣющаго правильно говорить и тѣмъ болѣе осмысленно разсуждать, школа приучаетъ его къ тому и другому, внушаетъ ему элементарныя истины вѣры и сообщаетъ навыки христіанской

¹⁾ Продолженіе. См. № 32.

жизни. Потому то и хочется видѣть, чтобы школа занимала мѣсто въ церковной оградѣ, чтобы естественная связь между школой и церковью выражалась и во внѣшнемъ положеніи школы, дѣлая ее *преддверіемъ* храма.

Но въ такомъ случаѣ и учитель долженъ стать *между* матерью и священникомъ: первыя безсвязныя лепетанія ребенка онъ возводитъ до разумной человѣческой рѣчи, первыя заученныя съ матерью молитвы онъ дѣлаетъ основой сознательнаго христіанскаго настроенія. Учитель въ такомъ случаѣ есть помощникъ священника въ его учительной дѣятельности, какъ діаконъ есть его помощникъ въ богослужебной практикѣ. Когда діакону было поручено учительство въ школѣ, въ этомъ была *хорошая мысль*: школа дѣлалась нераздѣльною съ церковью, и борьбы между воспитательными воззрѣніями священника и учителя быть не могло. Но практически осуществленіе этой прекрасной мысли оказалось весьма затруднительнымъ, почему и пришлось отъ нея отказаться: и въ настоящее время громадное большинство учителей церковныхъ школъ не діаконы, а свѣтскія лица. Однако идея органической связи учителя съ церковью должна сохраняться. По моему личному мнѣнію, учитель церковной школы долженъ входить въ духовное сословіе, наравнѣ съ о. діаконѣмъ и псаломщикѣмъ. Это предоставитъ ему нѣкоторыя сословныя права, но въ то же время это лучше всякихъ предписаній возложить на него главную нравственную обязанность духовнаго лица — быть церковнымъ человѣкомъ, т. е. жить по уставамъ церкви, исполнять въ ежедневномъ быту тѣ обязанности, какихъ требуетъ Церковь отъ христіанина и особенно отъ духовнаго лица.

Мысль о такомъ значеніи учителя, какъ помощника священника, не выдумана ради защиты возстановленной въ 1884 году церковной школы. Она подсказана многовѣковой практикой, когда школа собиралась или у причетника, или

у грамотея-мастера, ведшаго школьное обучене по Псалтири и Часослову. И народное развитіе можетъ пойти нормально только при такомъ союзѣ священника и учителя. „Мы желали бы, говорить К. Д. Ушинскій, чтобы не желѣзные дороги, не промышленность со всѣмъ своимъ золотомъ и со всею своею грязью, не столичный и фабричный развратъ, не промышленническая литература, рассчитывающая на трудовой грошъ крестьянина, а *церковь и школа*, не разрушая, а освящая и озаряя свѣтомъ мысли и чувства семейный бытъ и оставляя ему то, что принадлежитъ по праву всякому христіанскому семейству, вывели нашъ простой народъ изъ тѣсной, отжившей сферы исключительно патріархальнаго быта въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства и человѣчества“. Но это возможно лишь тогда, когда учитель „*есть истинный христіанскій* воспитатель, истинный педагогъ по призванію, по цѣли, по знаніямъ и искусству; *простая добросовѣстность должна удерживать каждого изъ насъ отъ возложеній на себя обязанностей, исполненія которыхъ намъ чуждо*¹⁾. Если необходимо, чтобы духовныя лица, посвящающія себя воспитательной дѣятельности, были хорошими педагогами, то съ другой стороны необходимо также, чтобы свѣтскія лица, принимающіяся за воспитаніе, особенно простого народа, были не только хорошіе педагоги, но и истинные христіане по своимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ, насколько убѣжденія человѣка доступны взору другихъ людей. Какъ только мы захотимъ отдѣлить непроходимую гранью преподаваніе Закона Божія отъ преподаванія другихъ предметовъ, то хотя преподаваніе различныхъ предметовъ и останется, но воспитаніе исчезнетъ. Современная педагогика исключительно выросла на христіанской

1) Курсивъ нашъ.

почвѣ, и для насъ *не христіанская* педагогика есть вещь немыслимая—безголовый уродъ и дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденія позади и безъ результатовъ впереди.

Можно ли себѣ представить, напримѣръ, сколько-нибудь сноснаго учителя грамотности даже, который бы не коснул ся религіозныхъ истинъ, если только онъ не занимается однимъ механизмомъ чтенія, убійственнымъ для дѣтской головы? Мы требуемъ, чтобы учитель русскаго языка, учитель исторіи и т. д. не только вбивали въ голову своимъ ученикамъ факты своихъ наукъ, но развивали ихъ умственно и нравственно. Но на чемъ же можетъ опираться нравственное развитіе, если не на христіанствѣ? Воспитателемъ въ народной школѣ, вообще, не можетъ быть такой человѣкъ, который не знакомъ настолько съ христіанскою религіей, чтобы не былъ въ состояніи сообщить одиннадцатилѣтнимъ крестьянскимъ дѣтямъ тѣхъ религіозныхъ понятій, какія только они могутъ принять по ихъ возрасту и развитію. *Такой воспитатель вообще не можетъ быть воспитателемъ и тѣмъ болѣе воспитателемъ въ народной школѣ.* Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что въ народной школѣ воспитателемъ можетъ быть одинаково *какъ свѣтское, такъ и духовное лицо*, только бы они были подготовлены къ дѣлу воспитанія,—что *дѣло народнаго воспитанія должно быть освящено церковью, а школа должна быть преддверіемъ церкви*“.

Господа! Это говорилъ К. Д. Ушинскій, задолго до возстановленія церковно-приходской школы. Это говорилъ педагогъ, имя котораго съ великимъ уваженіемъ произносится передовымъ русскимъ обществомъ, наравнѣ съ именемъ Н. И. Пирогова. Я прошу васъ обратить на это особенное вниманіе. Защитниковъ идеи церковной школы въ свѣтской, особенно либеральной, печати часто подозрѣва-

ють въ пристрастіяхъ, въ желаніи искусственно доказать эту идею, въ стремленіи къ натяжкамъ и искаженіямъ. Но что новаго сказали защитники церковной школы сравнительно съ отцомъ европейской педагогики Я. А. Коменскимъ и основателями русской педагогики — К. Д. Ушинскимъ и Н. И. Пироговымъ? У этихъ педагоговъ идея церковнаго, христіанскаго воспитанія въ школахъ была основнымъ положеніемъ, безъ котораго они отрицали самый смыслъ народной школы. „Не забудемъ, говоритъ К. Д. Ушинскій, что величайшіе двигатели дѣла народнаго воспитанія: Франке, Песталлоци, Арнольдъ, именно *въ христіанствѣ* почерпали силы для своей плодотворной и энергической дѣятельности, пересоздавшей воспитаніе Европы“.

Таковъ идеалъ учителя народной школы, какъ воспитателя подрастающаго поколѣнія. Насколько соответствуетъ этому идеалу дѣйствительность?

Я не буду говорить здѣсь ни похвалъ, ни порицаній учителямъ народныхъ и особенно церковныхъ школъ; а отмѣчу только нѣкоторыя чисто бытовыя особенности народнаго учительства, весьма важныя въ дѣлѣ воспитанія народнаго.

Здѣсь, въ этой аудиторіи, васъ, господа, болѣе ста человѣкъ. Всѣ вы проводите учебный годъ въ своихъ школахъ. Но считаете ли вы себя жителями тѣхъ слободъ и хуторовъ, въ которыхъ вы учительствуете? Вы затруднитесь отвѣтить на этотъ вопросъ, — я помогу вамъ. Скажите, живете ли вы въ мѣстахъ учительства въ каникулярное, особенно въ лѣтнее время, когда занятія въ школахъ прерываются на 4—5 мѣсяцевъ? Я прошу встать тѣхъ учителей, которые и лѣто проводятъ въ своихъ школахъ. (Встаютъ одиннадцать учителей). Вотъ, господа, неліцепріятная цифра. Изъ 100 только 11 проводятъ годъ въ школахъ или въ томъ селѣ, гдѣ находится ихъ школа. Объ этой цифрѣ мы и поговоримъ. Признаюсь, я даже не ожидалъ такой краснорѣ-

чивой цифры. Я предполагалъ, что хотя бы до 20% учителей постоянно живутъ въ школахъ. И быть можетъ, этотъ процентъ ближе къ действительности; а показанная вами цифра зависитъ отъ того, что большинство изъ васъ еще молодые, начинающіе учителя, не устроившіеся окончательно на мѣстахъ. Но вдумайтесь въ показанную вами цифру. Она говоритъ, что громадное большинство изъ васъ *служите* школь, но *не живете* интересами, бытомъ того населенія, для котораго существуетъ школа. Въ долгіе зимніе вечера вы сидите надъ книгой, надъ тетрадками; но ваша мечта витаетъ гдѣ-нибудь надъ вишневымъ садомъ вашей родной горенки, среди дорогихъ родственниковъ, или гдѣ-нибудь на улицахъ большого города съ музеями, театрами и т. п. Быть можетъ, васъ изгоняетъ на лѣто изъ школы тяжелая матеріальная нужда, желаніе сберечь копейку, при даровой жизни у родственниковъ. Быть можетъ, васъ толкаетъ съ мѣста службы одиночество, желаніе отвести душу среди лицъ съ однороднымъ развитіемъ. И было бы большимъ грѣхомъ бросить вамъ слово осужденія за все это. Но фактъ остается фактомъ: *учитель въ громадномъ большинствѣ случаевъ еще не приобрѣлъ осподности, а остается перелетною птицей.* А въ такомъ случаѣ онъ не можетъ быть воспитателемъ въ подлинномъ значеніи этого слова, такъ какъ не сжился, не усвоилъ себѣ положительныхъ свойствъ того уклада жизни, того быта, какимъ живутъ его ученики. Самое дорогое лѣтнее время, аромать котораго налагаетъ особенно глубокую печать на деревенскихъ дѣтей, выпадаетъ изъ наблюденій учителя. А для взрослого населенія становится очевиднымъ, что учитель не ихъ родной братъ, такъ какъ онъ не переживаетъ съ ними лѣтней страды, не ждетъ благодатнаго дождя, не трепещетъ предъ опасностью засухи и града, не радуется обильному урожаю, не терпитъ страданія отъ недорода. Нужно ли распространяться, что воспи-

тательное значеніе такого учителя очень не велико: это книж-
ное воспитаніе, а не! жизненное, которое неразрывными
узами оковываетъ воспитателя и воспитанника.

Среди не-крестьянъ, живущихъ въ деревнѣ, только одно
духовенство, и преимущественно духовенство стараго пошиба,
могло сродниться съ крестьянствомъ. Оно *постоянно* живетъ
въ деревнѣ и переживаетъ круглый земледѣльческій годъ
вмѣстѣ съ крестьянами. И оттого вліяніе такого духовенства,
любящаго землю и земледѣльческій трудъ, гораздо сильнѣе,
чѣмъ вліяніе учителя и того священника, который много по-
учаетъ съ кафедръ, но живетъ интересами книги, романа,
вечеровъ, частыхъ поѣздокъ въ городъ и т. п. И оттого
новое духовенство, порвавшее съ землей и съ народнымъ
бытомъ, тоже начинаетъ обращаться въ переходное служи-
вое сословіе: мѣна мѣстъ и частые переходы на другія
мѣста никогда еще не достигали такихъ размѣровъ, какъ
теперь.

Однако всѣмъ показалось бы прямо невысказаннымъ, чудо-
вищнымъ явленіемъ, еслибы священники оставляли свои при-
ходы на 4—5 мѣсяцевъ ежегодно, для отдыха на родинѣ.
Дѣлаютъ это молодые псаломщики, но это и свидѣтельству-
етъ объ ихъ случайномъ, непостоянномъ, а слѣдовательно
и малоплодномъ служеніи.

Отсюда выводъ одинъ: учитель, чтобы слѣдаться воспи-
тателемъ въ школѣ, а потомъ и среди населенія, долженъ
приобрѣсти осѣдность, долженъ на дѣлѣ признать себя чле-
номъ той большой семьи, которая называется селомъ, сло-
бодою или хуторомъ.

Въ связи съ оторванностью отъ быта и интересовъ
крестьянскаго населенія стоитъ другая черта, гибельно отра-
жающаяся на дѣлѣ воспитанія. Эту черту я назову барствомъ.
Ранѣе она выражалась у дворянъ въ дѣленіи людей на бѣ-
лую и черную кость, и тогда мужика третировали, какъ

хама, какъ низшую породу людей. Конечно, среди учителей нѣтъ такихъ отжившихъ людей. Теперь барство выражается иначе. Мужикъ это опекаемый младшій братъ, а интеллигентъ — старшій братъ. Но слово „братъ“ употребляется здѣсь не въ собственномъ значеніи. Братья живутъ однимъ бытомъ и вѣруютъ въ одну истину. Интеллигентъ не только живетъ по своему, но и вѣру мужика считаетъ суевѣріемъ для себя, и правила жизни для мужика считаетъ необязательными для себя. Онъ какъ бы снисходитъ до мужика, когда сообщаетъ ему тѣ или другія правила жизни, которыхъ не признаетъ въ душѣ. И среди интеллигенціи давно пошло въ ходъ выраженіе „служить народу“, въ которомъ чувствуется и сознаніе интеллигентомъ своего превосходства предъ народомъ, и чувство ничтожества народнаго, и признаніе великой пропасти, отдѣляющей интеллигенцію отъ народа. А результатомъ этого, губельнымъ для народнаго развитія, является то, что народъ всю интеллигенцію, т. е. докторовъ, судей, учителей и нѣкоторыхъ священниковъ новаго направленія считаетъ барамн, видя въ ихъ отношеніи только видоизмѣненіе стараго барскаго взгляда на народъ, какъ на низшую породу людей. Всякое слово такого просвѣтителя принимается недовѣрчиво простымъ человѣкомъ, часто съ удивительными перетолкованіями. И, конечно, вліяніе такого слова очень незначительно. Это раздражаетъ учителя, возбуждаетъ его противъ крестьянина, заставляетъ говорить о народной косности, грубости и невосприимчивости. Часто, сознавая бесплодность своихъ усилій и трудовъ, принесенныхъ на благо народное, учитель начинаетъ говорить и о народной неблагодарности.

А между тѣмъ причина народной косности не въ народѣ, а въ самомъ учителѣ.

„Школьное дѣло, говорить С. А. Рачинскій, можетъ принести жизненный плодъ лишь при поддержкѣ, словомъ и

отломъ, со стороны окружающей среды, и именно тѣхъ ея представителей, которые, по своему достатку, своему образованію, своему общественному положенію, на виду у всѣхъ, становятся предметомъ сравнительнаго и безсознательнаго подражанія. Недостаточно для этого — строить школьныя помѣщенія, снабжать ихъ пособиями, приставлять къ нимъ патентованныхъ учителей. *Нужно намъ жить тою жизнью духовною и нравственною, которую мы хотимъ вдохнуть въ учениковъ нашихъ школъ.* Жестоко слово сіе, но оно истинно. Ибо изъ школы наша жизнь еще виднѣе, чѣмъ изъ деревни; ибо жизненныя впечатлѣнія школьнаго возраста имѣютъ вліяніе глубокое и могучее; ибо *лицемѣріе въ школьномъ дѣлѣ не только бесплодно, но и преступно*; ибо на насъ обращены взоры ежегодно возрастающей, сѣрой массы учениковъ нашихъ сельскихъ школъ; ибо не одну нашу рѣчь, не одинъ нашъ костюмъ перенимаютъ они, а стараются подражать всѣмъ отгѣнкамъ нашего жизненнаго строя — этого плода искомаго ими знанія, этого итога нашего недоступнаго имъ высокаго образованія. Что если этотъ плодъ, этотъ итогъ въ ихъ глазахъ окажется совершеннымъ пренебреженіемъ тѣми благочестивыми навыками, кои прививаются имъ въ школѣ, постояннымъ попраніемъ тѣхъ десяти заповѣдей, которыя они въ этой школѣ заучиваютъ, полнымъ отрицаніемъ тѣхъ божественныхъ истинъ, которыя составляютъ единственное существенное содержаніе школьнаго ученія? Что, если наглядно убѣдятся въ томъ, что, седьмая заповѣдь для людей, получившихъ среднее образованіе, на практикѣ упразднена, что всѣ виды воровства, перечисленные въ „*Начаткахъ*“, кромѣ кражи со взломомъ и безъ онаго, составляютъ постоянное занятіе людей образованныхъ, что этимъ людямъ, этой соли земли, не нужны ни молитвы, ни церковныя службы, ни таинства Церкви? Глаза дѣтей зорки, примѣръ разнузданности соблазнительнѣе. Если, въ нашей

школьной дѣятельности, мы желаемъ изъ царства призраковъ и мнимостей перейти въ область дѣйствительности, если мы намѣрены произвести нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ матеріалъ для школьной статистики; если въ насъ есть хоть капля любви и жалости къ тѣмъ дѣтямъ, надъ которыми мы производимъ наши педагогическіе эксперименты,—мы обязаны обратить вниманіе на эту сторону школьнаго дѣла.

Историческая минута, переживаемая нами, — минута великая и страшная. При вашей жизни, на вашихъ глазахъ завершится приобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной. И этотъ періодъ — вамъ не чужой, вы плоть отъ плоти, вы кость отъ кости его, вы призваны быть солью безмѣрной земли, имъ постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладывайте созиданія въ себѣ внутренняго человѣка“ ¹⁾.

Учитель — чиновникъ, не живущій интересами населенія, учитель — баринъ, свысока смотрящій на это населеніе, не можетъ быть воспитателемъ въ подлинномъ значеніи этого слова. Гдѣ же взять такого подлиннаго учителя-воспитателя? Его можетъ дать любовь къ учительству, любовь къ дѣтямъ, любовь къ благу народному. И, слава Богу, такія учителя — свѣточы жизни — есть у насъ. Они несутъ въ школу свою душу, они отдають школѣ свою молодость, свои силы и здоровье. И когда годъ за годомъ видишь въ школѣ такихъ учителей, горящихъ любовью къ своему дѣлу, то одновременно чувствуешь и радость за чистый идеализмъ молодыхъ натуръ, и горькое чувство за то, что этотъ идеализмъ постепенно стираетъ съ молодого лица краски жизни, преждевременно старитъ его. Какъ свѣча, учитель — идеалистъ, внося свѣтъ въ темную среду, самъ стораеть.

¹⁾ Сельская школа стр. 217 — 220.

Это выраженіе К. П. Побѣдоносцева очень мѣтко опредѣляетъ судьбу идейнаго учителя. Герои гибнуть, но это славная гибель, гораздо выше, лучше сытой и продолжительной жизни.

Но невозможно рассчитывать на героевъ въ такомъ большомъ, требующемъ тысячь работниковъ, дѣлѣ, какъ народное учительство. Нужны для школы и средніе люди, не герои, а только полезные работники. Гдѣ же взять и какъ подготовить такихъ работниковъ?

С. А. Рачинскій, послѣ долгихъ лѣтъ работы въ сельской школѣ, пришелъ къ мысли, что такихъ работниковъ слѣдуетъ искать въ школѣ же, среди ея даровитыхъ учениковъ. Учитель, любящій свое дѣло и знающій своихъ учениковъ, сумѣетъ выбрать изъ нихъ даровитыхъ мальчиковъ и подмѣтитъ выдающіяся склонности то къ художественному творчеству, то къ священнослуженію, то къ учительству. Самъ С. А. сумѣлъ выбрать изъ своихъ учениковъ и художниковъ (Богдановъ-Бѣльскій), и священниковъ, и учителей. Что особенно цѣнили въ этомъ случаѣ великій педагогъ, это возможность не отрывать избранныка отъ народнаго уклада жизни, не привить ему привычекъ чиновника и барина. „Если я чему нибудь научился въ теченіе моей школьной практики, говоритъ С. А., то, конечно, не отъ записныхъ педагоговъ, не отъ учителей казеннаго издѣлія, но отъ учителей крестьянъ, никогда не покидавшихъ своего глухого угла, не знавшихъ иной школы, кромѣ сельской. Ихъ добросовѣстность и терпѣніе, ихъ умѣніе обращаться съ дѣтьми и приковывать ихъ вниманіе, угадывать, что въ данную минуту затрудняетъ ребенка и какъ помочь ему, ихъ цѣльное, духовное отношеніе къ дѣлу—по истинѣ несравненны. Съ ними можно дѣлать дѣло истинное, а не бумажное, вести школу не на показъ инспекторамъ училищъ, а на умственную и духовную пользу ученикамъ“¹⁾.

¹⁾ Сельская школа, стр. 98—99.

Эта глубокая мысль, явившаяся плодомъ живого опыта, была воспринята возстановителями церковной школы. Повидимому, именно она вызвала къ жизни наши второклассныя учительскія школы. Эти школы устроены въ селахъ. Въ нихъ набираются ученики сельскихъ школъ—крестьянскія дѣти. Такъ какъ приѣмъ дѣлается по конкурсному экзамену, то возможно отобрать для учительской школы цвѣточки начальныхъ школъ со всего уѣзда, особенно когда уже на мѣстѣ священникъ и учитель намѣчаютъ даровитаго мальчика, склоннаго къ учительству. При школѣ необходимая принадлежность—маленькое поле, садъ и огородъ, благодаря чему ученики не порываютъ съ сельскимъ бытомъ, а усовершенствуются въ обработкѣ земли. По окончаніи школы они дѣлаются учителями на зимнее время, но лѣтомъ они возвращаются къ своимъ земледѣльческимъ занятіямъ. И всегда они остаются для крестьянъ родными и по плоти, и по занятіямъ, и по міросозерцанію.

Такова была идея великаго педагога. И насколько она примѣнялась самимъ С. А., насколько она была усвоена его послѣдователями, она дала плодъ сторицею. Только далеко не вездѣ она была правильно понята. Ложный шагъ часто дѣлался въ самомъ основаніи второклассной школы, когда для завѣдыванія ею приглашался священникъ, не только не понимавшій идеи С. А., но и не знавшій школьной работы великаго педагога. Тогда возникала школа “казеннаго издѣлія”, чего такъ не выносилъ С. А. Въ нее набирались не цвѣточки духовныхъ дарованій, не лучшіе по развитію и настроенію мальчики, а дѣти сельскихъ богачей, которымъ хотѣлось „вывести ихъ въ люди“, т. е. сдѣлать похожими на господъ. А такъ какъ матеріальное обезпеченіе окончившихъ курсъ второклассныхъ школъ незначительное, то изъ нихъ вырабатываются кадры недовольныхъ людей. И само населеніе, въ лицѣ тѣхъ же богачей,

иногда высказывает недовольство на второклассную школу, не дающую хорошаго обезпеченія своимъ питомцамъ. Свѣтлая идея С. А. искажилась до неузнаваемости, вылилась именно въ такую уродливую форму, которую онъ болѣе всего не выносилъ въ учительствѣ. Я не могу забыть, не могу не привести здѣсь одного, особенно поразившаго меня факта, рассказаннаго мнѣ однимъ о. Наблюдателемъ въ подтвержденіе того, какъ уродливо иногда выражается настроеніе второклассниковъ.

Окончившаго курсъ второклассной школы назначаютъ на учительское мѣсто. Его везетъ туда отецъ, обрадованный назначеніемъ сына. Новый учитель подъѣзжаетъ къ дому священника—о. завѣдующаго школой. Батюшка приглашаетъ его къ себѣ, а кучеру предлагаетъ въѣхать во дворъ и распрячь лошадь. По обычаю, первое знакомство состоялось за самоваромъ. Среди разговора батюшка спросилъ, кто привезъ учителя, и послѣдній, конфузясь, отвѣтилъ, что нанялъ подводчика. Такъ и просидѣлъ отецъ на кухнѣ, пока сыночекъ бесѣдовалъ съ батюшкой за чайнымъ столомъ. „Спасибо, батюшка, что воспитали мнѣ сына, который стыдится своего отца“, поблагодарилъ старикъ о. завѣдующаго второклассной школы, возвратившись домой.

Среди васъ, господа, болѣе тридцати учителей изъ окончившихъ второклассную школу. И, конечно, вы скажете мнѣ, что рассказанный мною случай—исключеніе, что его нельзя обобщать. Я и не думаю его обобщать. Но въ исключительныхъ случаяхъ нерѣдко типическое явленіе только доводится до своей крайности, до чудовищныхъ, паразитическихъ размѣровъ. Таковъ и рассказанный мною случай. Я въ теченіе 5¹/₂ лѣтъ видѣлъ сотни второклассниковъ, и на школьной скамьѣ, и въ учительскомъ званіи. Но я самъ не могъ предположить ни въ одномъ изъ нихъ того выродка, который отрекся отъ своего родного отца. Однако

очень часто я видѣлъ, какъ второклассникъ—сынъ крестьянина—всячески старается походить не на крестьянина, а на барина, и по одеждѣ, и по рѣчи, и—что гораздо важнѣе—по образу мысли и жизни. А вѣдь это значить, что такой учитель тоже отрекается отъ родного сословія, т. е. грѣшитъ тѣмъ же страшнымъ, но несознаннымъ грѣхомъ, какимъ согрѣшилъ и тотъ учитель, о которомъ я вамъ сейчасъ рассказывалъ. Господа, стыдно всякому человѣку презирать трудовое сословіе; но особенно стыдно презирать его сына этого сословія. Слѣдуетъ не презирать, а гордиться происхожденіемъ отъ отца-труженика; а развѣ не великій труженикъ наше крестьянство, питающее всѣ служилыя сословія и въ трудѣ находящее и покой душевный, и серьезный взглядъ на жизнь и смерть, на радости и печали? Если вы—дѣти народа, то почувствуйте это глубоко и возвратитесь къ народу съ любовью къ нему, какъ дорогому родному брату. А эту любовь вы покажите не на словахъ, а самою своею личной жизнью, подавая примѣръ простоты, трудолюбія, честности, а особенно высокой религіозности. Тогда вы сдѣлаетесь воистину учителями народа, достойными помощниками и сотруidниками народныхъ пастырей.

Помните свѣтлый образъ С. А. Рачинскаго. Это маякъ, показывающій истинный путь каждому народному учителю, это святое имя, способное вдохновить и окрылить средняго человѣка въ его стремленіи къ просвѣтительной дѣятельности. Его жизнь вы обязаны знать; и если вы исполните эту нравственную обязанность, то найдете въ такомъ исполненіи не трудъ, а радость и утѣшеніе.

Онъ былъ баринъ по происхожденію и по образованію. Въ двадцать лѣтъ окончивши Московскій университетъ, онъ отправился заканчивать образованіе за границу. А потомъ занялъ профессорскую кафедру въ родномъ университетѣ. И онъ сталъ на одномъ уровнѣ съ лучшими умственными

и художественными силами и въ родномъ, и въ заграничныхъ университетахъ. Но особенное тяготѣніе онъ обнаружилъ къ кружку славянофиловъ, преданныхъ сыновъ Православной Церкви и родного народа. Самая наука — естествознание родила его, связывала крѣпкими узами съ міромъ Божиимъ, не какъ механическимъ сдѣпленіемъ бездушныхъ атомовъ, а какъ съ космосомъ, какъ съ одушевленнымъ храмомъ Творца-Вседержителя. И это выразилось у него въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Хвала Тебѣ! Твое названье

Не смѣю я произносить, —

Но до послѣдняго дыханья

Дерзаю я Тебя хвалить.

Хвала Тебѣ за неба своды,

За солнце, небо и луну,

За горы, лѣсъ, поля и воды,

За утро, юность и весну.

Хвала за каждое мгновенье

И мукъ и радостей земныхъ,

Хвала за смерть — и воскресенье

Въ твоихъ обителяхъ святыхъ“.

И вотъ этотъ ученый профессоръ, начавшій такъ блестяще свою карьеру, оставляетъ университетъ и навсегда поселяется въ родномъ Татевѣ, чтобы отдаться учительству въ сельской школѣ. Но, въ противоположность Л. Толстому, ушедшему въ деревню для опрощенія, какъ бы для покаяннаго подвига за грѣхи цивилизаціи (почему въ его опрощеніи чувствуется искусственность и фальшивость), С. А. ушелъ въ деревню просто, естественно, — потому, что жизнь въ Татевѣ болѣе полно удовлетворяла его духовнымъ стремленіямъ, чѣмъ профессорская каеэдра. Не оставляя любимой науки, не отказываясь отъ привычекъ образованнаго человѣка, оставшись и по внѣшности прежнимъ баринномъ,

онъ жилъ среди любимой природы, среди цвѣтовъ, въ красотѣ вѣкового барскаго сада, но окруженный довѣрчивыми головками крестьянскихъ ребятишекъ. Вы, конечно, видѣли безчисленные снимки, въ книжкахъ для чтенія и на открыткахъ, изображающіе Сергѣя Александровича среди школьниковъ, то за урокомъ ариметики, то на воскресномъ чтеніи. Эти картины писалъ ученикъ С. А. по Татевской школѣ—художникъ Богдановъ-Бѣльскій. Всмотритесь еще разъ въ выраженіе дѣтскихъ лицъ, окружающихъ С. А. Эта дѣтская серьезность, соединенная съ полною непринужденностью въ присутствіи знаменитаго барина-профессора, лучше всякихъ краснорѣчивыхъ доказательствъ говорятъ, гдѣ черпалъ бодрость и утѣшеніе Сергѣй Александровичъ. Но чтобы разбудить дѣтскую мысль, чтобы вызвать дѣтское довѣріе, нужно было самому учителю отдать для дѣтей и своей умъ, и свое сердце. А на это можетъ подвинуть человѣка прежде всего вѣра во Христа—Его завѣты. „Ради Христа трудился среди сѣрыхъ крестьянскихъ ребятъ Рачинскій, ради Христа онъ отдалъ на просвѣщеніе ихъ всѣ свои достатки. И это дѣлалось безъ шума, безъ огласки: здѣсь шуйца дѣйствительно не вступалась въ движенія десницы. Самоотверженіе для него не было красивымъ поведеніемъ, вызывающимъ похвалы: оно, какъ у истинныхъ праведниковъ, возвышалось у него до степени подвига“¹⁾.

Сергѣй Александровичъ ради дѣтей уходитъ изъ своего барскаго дома и поселяется въ школѣ, чтобы быть среди учениковъ не только въ учебные часы, а весь день: вмѣстѣ съ ними онъ молится утромъ и вечеромъ, вмѣстѣ съ ними проводитъ вечерніе часы занятій; въ его школѣ было устроено общежитіе—точнѣе пріютъ для проходящихъ съ

¹⁾ П. П. Мирносопцкій. С. А. Рачинскій и церковная школа. Церк. Вѣд. 1910, № 21, стр. 865.

отдаленныхъ мѣсть и деревень мальчиковъ. А затѣмъ, когда организовалась вполнѣ Татевская школа, вокругъ нея, какъ вокругъ центра вырастаютъ въ сосѣднихъ селахъ другія школы, гдѣ учительствуютъ ученики Сергѣя Александровича. И эти школы ждутъ, какъ праздника, прїѣзда дорогого учителя. Параллельно съ сѣтью школъ вырастаетъ сѣть обществъ трезвости, образцомъ которой является абсолютный трезвенникъ — самъ Сергѣй Александровичъ. Но лучи правды проникаютъ дальше: за совѣтами и указаниями къ С. А. обращаются, какъ къ своей неподкупной совѣсти, сельскіе священники, студенты академій, архипастыри и такіе могущественные сановники, какъ К. П. Побѣдоносцевъ.

И этотъ педагогъ по призванію провозгласилъ рѣшительно и опредѣленно, что народная школа должна быть подѣ покровомъ Церкви. Онъ видѣлъ многія ненормальности въ жизни нашего духовенства, онъ указывалъ на эти ненормальности въ своихъ статьяхъ очень рѣшительно, и однако онъ призналъ, что безъ участія духовенства дѣло народной школы не подвинется впередъ. Надо „сплотить ряды духовенства, поднять его нравственный уровень“, и это „должно быть заботой не одного только духовнаго вѣдомства, но всякаго, кому близки интересы духовные, и всѣ люди достатка матеріальнаго и мысленнаго обязаны поддерживать благое вѣяніе, поднявшееся на лонѣ нашей Церкви, въ связи съ размноженіемъ школъ“¹⁾.

И онъ неутомимо работалъ надъ осуществленіемъ этой задачи, все свободное отъ школы время отдавая то перепискѣ съ безчисленными корреспондентами, преимущественно изъ среды духовенства, то публицистическимъ статьямъ по школьнымъ вопросамъ, то дѣловой перепискѣ съ людьми, власть имущими, среди которыхъ всесильный тогда К. П.

¹⁾ Сельская школа, стр. 356.

Побѣдоносцевъ чутко прислушивался къ голосу своего друга-идеалиста. И эта „личная и живая школьная дѣятельность Рачинскаго имѣла громадное значеніе въ исторіи законодательнаго созиданія того типа народной школы, который представляетъ теперь школа *церковная*. Въ процессѣ разработки плановъ и правилъ дѣйствія церковной школы, ея программъ и учебниковъ, Рачинскій былъ, такъ сказать, законодательной инстанціей. Разработанныя предположенія путешествовали изъ столицы въ деревню; мы помнимъ ту благотворную дружбу, тотъ союзъ, который заключили между собою петербургскій анализъ съ татевскимъ синтезомъ. Плодомъ этой дружбы явилась жизненность школы, ея отзывчивость на запросы народа, ея приспособленность къ призывамъ народнаго быта и — что выше всего — ея одухотворенность высокою идеей“ ¹⁾).

Вамъ, господа, какъ церковно-школьнымъ работникамъ, необходимо не только знать біографію С. А. Рачинскаго, но и вдумчиво перечитать его „Сельскую Школу“. Тогда вы въ самомъ первоисточникѣ узнаете, въ чемъ состоитъ задача церковно-школьнаго воспитанія и при какихъ условіяхъ возможно осуществленіе этой задачи. Тогда вы лучше всякихъ правилъ и предписаній убѣдитесь въ томъ, что учитель народной школы есть и ея воспитатель, а воспитателемъ оный можетъ быть только тогда, когда въ себѣ, въ своей личной жизни покажетъ образецъ христіанскаго строенія и поведенія. А высокая жизнь Сергѣя Александровича не только послужитъ для васъ самихъ образцомъ учительства, но и облегчитъ тернистый путь школьной работы. Религіозный человѣкъ идетъ поклониться священнымъ останкамъ подвижника праведника, чтобы вдохнуть въ себя силу праведности, осуществленной подвижникомъ. Совершимъ

¹⁾ П. П. Мирососицкій. Тамъ же, стр. 866.

и мы мысленно паломничество къ С. А. Рачинскому, и въ его неусыпныхъ трудахъ надъ воспитаніемъ крестьянскихъ дѣтей въ духъ вѣры Православной, въ его самоотверженіи и глубокихъ переживаніяхъ христіанской радости надъ священной книгой, надъ дѣтской душой, надъ величественной природой, въ его защитѣ идеи церковной школы найдемъ опору своимъ школьнымъ работамъ.

„Велико обаяніе общаго чистаго дѣла, *не умирающаго* со смертію отдѣльныхъ дѣятелей. Велико обаяніе нравственной свободы, достижимой только чрезъ отреченіе отъ многого. Немногимъ посильна дѣятельность одинокая. Немногимъ доступны высокія ступени жизни созерцательной. Но люди, мучимые потребностью отдавать себя безъ остатка на служеніе Богу и ближнимъ, всегда были, есть и будутъ. Нѣтъ болѣе полнаго сочетанія этихъ двухъ служеній, чѣмъ христіанское учительство, то учительство, которое не полагаетъ своимъ трудамъ ни мѣры, ни конца“ ¹⁾.

П. Никольскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОСВОБОДИЛАСЬ ВАКАНСІЯ завѣдывающаго и законоучителя Воронежской Алексѣевской Второкласной учительской и регентской школы съ вознагражденіемъ 460 рублей въ годъ, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ, съ правами на пенсію за 25 лѣтъ службы. Приглашаются желающіе изъ священниковъ или діаконівъ занять эту должность. Желателенъ кандидатъ изъ одинокихъ или малосемейныхъ.

¹⁾ Школьный походъ въ Нилову пустынь. Сельская школа, стр. 186.

И. М. ВОЛЬФЪ

ЗУВНОЙ ВРАЧЪ

лечение, пломбированіе зубовъ золотомъ, фарфоромъ и т. п.
Искусственные зубы по новѣйшему способу, удаленіе зубовъ
безъ боли.

В.-Дворянская, д. Русакова противъ Дворянской части.

Пріемъ отъ 9 до 7 часовъ вечера.

Духовнымъ скидка.

(22—52)

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Изъ одной переписки.—Священника *Влад. Левашева*.
О христіанскомъ воспитаніи въ школь.—*П. Никольскаго*.
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.
